

— Понятно, что проще было пойти к своему мастеру: получила бы "всё и сразу". Но театр — это большая семья: ты должен быть там с утра до вечера. А у меня тогда было много ролей, много спектаклей, в которых мне хотелось играть. И уже тогда я нашла своего режиссёра: Гарольда Стрелкова. У нас была своя команда актёров, репертуар и свой зритель. А Пётр Наумович был и остаётся моим любимым педагогом и режиссёром. Мы и сейчас с ним в прекрасных отношениях — он смотрит все наши спектакли. И, конечно, мы с Гариком ходим на все его постановки, и это для нас камертон в творчестве.

— А не сложно вам жить и работать с одним и тем же человеком?

— Нам очень нравится! Это безумие... наверное, это счастье. Боюсь взглянуть... Нас спрашивают: как же вы 24 часа в сутки вместе? А нам так хорошо от этого! Нам не нужно отдыхать друг от друга. Мы 13 лет вместе — и, наверное, теперь нам это уже и не на-

Королева Маргарита.

Актрису Ингу Оболдину трудно узнать — на сцене она всегда разная. В премьеры нынешнего сезона "Фантазии Ивана Петровича" по мотивам прозы Пушкина она на глазах у зрителей виртуозно превращается из древней старухи в озорную девушку Дуняшу. В списке её ролей — Жанна д'Арк, Сальвадор Дали, Бацилла из "Школы для Дураков", старуха-гилячка в "Сахалинской жене", взбалмошная и романтическая дачница из спектакля "Дама с собачкой и прочей живностью", роковая женщина Леона из "Идеи господина Дома". Сейчас её можно увидеть в образе Вари из "Вишнёвого сада" в постановке Някрошюса и совсем скоро — в роли танцовщицы и знаменитой шпионки Маты Хари.

Инга и её муж — режиссёр Гарольд Стрелков — выпускники мастерской Петра Фоменко. И хотя работа у Фоменко для многих актрис — несбыточная мечта, Инга отказалась от неё — после института она не пошла работать в мастерскую. Почему? Об этом и о многом другом она рассказывает нашему корреспонденту Маше КУЗЬМИНОЙ.

Инга Оболдина:

«Я выбрала творческую свободу и делаю то, что хочу».

Лебединные песни

доест. Мы никогда не расставались больше чем на три дня.

— Вы ведь познакомились, когда ещё учились в Челябинске?

— Да, и потом приехали вместе поступать в ГИТИС.

— Ходят легенды о том, как вы переехали в Москву — жили где-то в интернате...

— Обычная история людей, которые приехали в Москву: негде жить, нечего есть, непонятно, где работать. В институте мы увидели объявление, что требуется режиссёр в театральную студию в школу-интернат для детей-сирот. И мы туда поехали. Директором оказалась наша землячка. Когда она узнала, что Гарик по первому образованию — художник, выяснилось, что ей нужны и художник, и режиссёр. В общем, она нас взяла к себе и выделила гримёрку за актовым залом. Крохотную.

— Всё было ужасно?

— Всё было замечательно! Мы готовили на маленькой плитке, рядом стояли книжный шкаф и кровать, занимающая почти всю комнату — если мы приглашали кого-нибудь в гости, это значило "приходите полежать у нас на кровати", потому что больше там разместиться было негде. Все удобства — где-то в конце этажа. Так и жили. Зато в нашем распоряжении всегда была

сцена, зал. У Стрелкова там стояли мольберты, с однокурсниками мы там репетировали какие-то этюды. Мы только сейчас, когда у нас есть квартира и всё в порядке, удивлённо оглядываемся на своё прошлое.

— А тогда вы ничего этого не замечали?

— Нет! Мы безумно любили друг друга, были по горло заняты в институте. График такой: в 9 утра подъём, бежим на лекции, потом репетируем, потом какой-нибудь спектакль, в час ночи прибегаем домой, в 9 утра подъём, потом лекции, потом бегом обратно в интернат... Если я сняла ботинки и надела тапочки — я дома. Сняла тапочки, надела туфли — я на работе: занимаюсь с детьми. В таком ритме мы жили. Мы ни секунды не переживали: "Ах, как у нас не устроен быт!" Просто не хватало времени на это. У нас был безумный азарт! Мы горели, чего-то добивались, даже ночи были расписаны по секундам. У нас было 10 бешеных режиссёров, и каждый работал в своём жанре. Фоменко всё это разрешал — наверно, только у него такое возможно, чтобы 10 режиссёров ставили как только им заблагорассудится. Я помню, что Епифанцев всегда по ночам репетировал. И прожили так в этом интернате 5 лет — всё время, пока учились в институте. И

сделали 7 детских спектаклей и кучу праздников.

— Два года назад на фестивале документального театра вы показывали заготовки к спектаклю "Олеся" про девочку, которую вы спасли. Она ведь тоже была из интерната?

— Не то чтобы спасли, но помогли ей. Интернат — это не совсем то, что обычно представляют: лысые дети алюминиевыми ложками расхватывают кашу-овсянку. Это был обеспеченный интернат, очень ухоженный, люди там работали замечательные, и дети были талантливые. Интернатовские дети, если они тебе поверили, отдадут тебе всё: они раскрываются. И была одна девочка — Олеся, с которой мы работали. Она играла вместе с нами — в первом спектакле "Жанна д'Арк. Детство" играла маленькую Жанну. Тогда все театральные люди восхищались: какой живой и органичный человечек! И вдруг ей поставили диагноз "олигофрения".

— Почему?

— Разные бывают учителя... Некоторым не хочется с ребёнком заниматься — и они его вот так просто списывают, и от них уже никто ничего не требует. И на всю жизнь остаётся диагноз. Олеся не дотягивала по математике. При этом с логикой у неё всё было в порядке, она страницы текста заучивала наизусть, играла в спектаклях, импровизировала на сцене... и тут выясняется, что она — олигофрен. Мы, конечно, не могли с этим мириться. Повезли её на повторное тестирование, и ей сняли этот диагноз. Перед нами извинились, сказали: везите ещё детей, если что... Сейчас она учится, может быть, по математике у неё по-прежнему двойки и тройки, но ведь это не олигофрения. Мы и сейчас часто заезжаем в интернат. Ребята уже выше меня, а всё называют Ингой Петровной. Для нас это тоже было творчество, а не какая-нибудь халтура.

— Тогда вернёмся к творчеству. Кажется, что вы можете сыграть кого угодно...

– Хочется верить. Чем дальше персонаж от меня, тем интереснее мне с ним работать. Я люблю театральность.

– В кино режиссёру, может быть, проще найти типаж?

– Наверное. Но есть киношные режиссёры, которым нравится "лепить" образ. Вот в фильме "Небо. Самолёт. Девушка" Веры Сторожевой я играла Мышку – подругу героини Ренаты Литвиновой. Эта роль, конечно, со мной в чём-то совпадает, но в ней есть и театральность – то, что я люблю.

– Театральной актрисе в кино сложнее работать?

– Не проще и не сложнее, а по-другому. Вот ты начинаешь играть: и вдруг тебе говорят: "Стоп! Света нет! Подожди, не плачь!" В театре такого не может быть! У тебя что-то произошло – ты плачешь или смеешься, тебя никто не останавливает, ты проживаешь роль. А тут тебе говорят: "Стоп!" И нужно начинать всё "чувствовать" сначала. Поэтому и необходим театр: душа твоя актёрская полнее всего выражается именно там. Невозможно только сниматься в кино: актёр может "умереть" от этого. Думаю, если бы мне надо было выбирать, я бы выбрала театр.

– Есть роли, которые вы хотели бы сыграть?

– Это глупость – мечтать о роли.

Придёт безумный режиссёр и сделает ужасный спектакль. И вся твоя мечта, вся твоя Джульетта посыплется. А с хорошим режиссёром любая роль хороша. Так что я не мечтаю сыграть какую-нибудь конкретную роль, а мечтаю работать с хорошими режиссёрами. Мне пока что везёт. Вот сейчас я у Някрошюса играю Варю.

– Как вам с ним работалось?

– Часто говорят, что Някрошюс очень постановочный режиссёр: строит актёров и делает "драмбалет", что у него всё заранее придумано и от тебя ничего не зависит. Это не правда. Он требовал море этюдов и всегда говорил: "То, что я придумал, уже никуда не денется. Давайте ещё, вдруг найдем что-то интересное". Очень важный вопрос в его работе над образом: как? Как она ходит? Как смотрит? И на эти вопросы актёр отвечает сам – находит походку, взгляд, сутулую спину.

– Возникли сложности на репетициях?

– Да, конечно. Например, мы привыкли, что текст распределяется по мизансцене или мизансцена рождается в связи с текстом. А здесь важна была атмосфера, и мы часто спрашивали: "Уже говорить?" А Някрошюс отвечал: "Подождите вы с текстом, успеете". И прежде, чем рождалась речь на сцене, мы делали массу этюдов,

Жанна д'Арк.

подводящих к этому тексту. И это было сложно. Например, в нашей девичьей сцене (Аня, Дуняша, Варя) мы искали и придумывали игры, в которые могла играть эта троица, какие-то только им известные жесты, шутки. И только потом между этими играми вплетали текст. Потому что Някрошюсу очень важна была атмосфера весны, ветра, молодости. Он говорил, что эти девчонки должны носиться по сцене как утренние сквозняки.

– Да, с режиссёром вам повезло!

– Варя – это и есть та роль, которую я всегда хотела сыграть. А вообще-то главная моя мечта сбылась: я нашла своего режиссёра – Гарольда Владимировича. Но хотя мы много репетируем со Стрелковым, у меня нет никакого табу: "я работаю только с мужем" – я работаю везде, где мне интересно.

– Работы много?

– Много. Нет ни дня, когда бы я не репетировала. Я выбрала творческую свободу и делаю то, что хочу.

– И вы никогда не хотели быть в труппе академического театра?

– Нет, не хотела. А зачем "ходить" в труппу? За интригами? Я работаю в прекрасном театре "АпАРТе", где у меня есть свобода выбора роли, режиссёра и команды. Скажите, в труппе какого академического театра актёры имеют такую возможность? Я обожаю сво-

их партнёров: репетировать и играть с ними – одно удовольствие, потому что всё делается по желанию.

– За спектакль "Начиталась..." театра "АпАРТе" вы получили премию "Лучшая женская роль" на фестивале "Новая драма". Хотя таким молодым актрисам бенефисы ещё не положены, этот спектакль можно назвать вашим бенефисом.

– Это никакой не бенефис. Просто у меня там главная роль. На самом деле в этом спектакле настоящий актёрский ансамбль.

– В вашем спектакле играют белый пудель и белый кролик – с животными очень сложно работать, но здесь актёрам удаётся их переиграть.

– Это было непросто. Но неподдающийся дрессировке кролик так полюбил актёра Серова, что сам стал постоянно забираться к нему на колени. А мне пришлось целый месяц заниматься дрессировкой. И Юрий Сергеевич Ананьев – гениальный дрессировщик из Театра зверей им. Дурова – смог "выдрессировать" и меня, и пуделя Антона: мы стали понимать друг друга с полуслова. Ананьев сказал, что у меня неплохо получается: "Если решишь бросить театр и кино, то в цирке тебе кусок хлеба всегда обеспечен".

Фото в тексте и на обложке из архива актрисы

140